

И. ГУРВИЧ

Ласкающие стрелы

Если беллетристическая литература не дала нам ничего радостного за последнее время, то нельзя сказать того же про поэзию. В этой области отрадное явление представляет только что вышедший сборник Н. Гумилева — «Колчан» *.

Не думайте, что в «Колчане» собраны какие-нибудь стрелы, могущие пронзить ум и сердце читателя чем-либо неожиданным, исключительным. Будь это так, тут нельзя было бы усмотреть отрадного явления: известно, ведь, как приторно и неприятно все то, что производится поэтами неожиданного и исключительно!

Стихи Н. Гумилева написаны отчасти в тонах старой школы, простым, звучным и задушевым языком, — и в этом их главное достоинство. Темы тоже не блещут новизной, но и это является скорее плюсом, чем минусом. Уж очень приелись «новые» мотивы, где больше надуманности, чем поэтической красоты. Трудно определить, о чем именно поет г. Гумилев. События, лица, города, родина и т. д. — все находит отклик в стихах поэта, для всего поэт подбирает соответственные рамки.

Стихотворение «Памяти Анненского», кажется, автор недаром поместил первым. Оно сразу располагает читателя к сборнику, не только располагает, но напоминает об «отошедших» истинных мастерах стиха. Приводим его поэму полностью:

К таким нежданым и певучим бредням
Зоя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из Царскосельских лебедей.
Я помню дни: я робкий, торопливый
Входил в высокий кабинет,

* Н. Гумилев. Колчан. Стихи. «Гиперборей». Петроград. 1916. Стр. 102. Ц. 1 р. 25 к. (прим. авт.).

Где ждал меня спокойный и учтивый,
 Слегка седеющий поэт.
 Десяток фраз, пленительных и странных,
 Как бы случайно уроня,
 Он вбрасывал в пространство безмятежных
 Мечтаний — слабого меня.
 О, в сумрак отступающие вещи
 И еле слышные духи,
 И этот голос нежный и зловещий,
 Уже читающий стихи!
 В них плакала какая-то обида,
 Звенела медь и шла гроза,
 А там, над шкафом, профиль Эврипида
 Слепил горящие глаза...
 ...Скамью я знаю в парке; мне сказали,
 Что он любил сидеть на ней,
 Задумчиво смотря, как сини дали
 В червонном золоте аллей.
 Там вечером и страшно, и красиво,
 В тумане светит мрамор плит,
 И женщина, как серна боязлива,
 Во тьме к прохожему спешит.
 Она глядит, она поет и плачет,
 И снова плачет и поет,
 Не понимая, что все это значит,
 Но только чувствуя — не тот.
 Журчит вода, протачивая шлюзы,
 Сырой травой пахнет мгла,
 И жалок голос одинокой музы,
 Последней — Царского Села.

Еще проще и теплее пьеса «Старые усадьбы»:

Дома косые, двухэтажные,
 И тут же рига, скотный двор,
 Где у корыта гуси важные
 Ведут немолчный разговор.
 В садах настурции и розаны,
 В прудах зацветших караси.
 — Усадьбы старые разбросаны
 По всей таинственной Руси и т. д.

Чем-то «своим» веет от стихов г. Гумилева о войне. В этих стихах гула пушек, лязга сабель, стонов раненых не слышно. Поэт видит всюду подвиг, но и подвига самого не воспевает. Ему важнее труд подвига:

...«Ура» вдали, как будто пенье
 Трудный день окончивших жнецов.
 Скажешь: это мирное селенье
 В самый благостный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.
Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови...¹

Не думается, чтобы тут были выписаны лучшие строфы; этих «лучших» очень много в сборнике, и если одни «лучше» по форме, то другие — по содержанию, и выбирать — дело нелегкое. Не приведены и образчики слабого, которого в книге тоже известное количество. Где же без того!

Вообще с «Колчаном» следует ознакомиться от начала до конца. Если автор подразумевал под заглавием помещение для стрел, то эти стрелы какие-то особенные: ласкающие, баюкающие, звенящие. Сборник г. Гумилева несомненно доставит много приятных минут стихофилу, а попадись оно в руки стихофобу, пожалуй, примирит последнего в известной степени с современной русской поэзией.

